

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

И. Ф. Фихман. Введение в документальную папирологию. М.: Наука, 1987. 524 с.

Положение, сложившееся в советской папирологии, нельзя считать нормальным. У нас есть папирологи, но нет папирологической школы. Очень немногие антиковеды и византилисты владеют папирологическим материалом. Это во многом результат репрессий 30-х годов, коснувшихся издателей знаменитой публикации «Папирусы русских и грузинских коллекций» (P. Ross. Georg). Вот почему книга И. Ф. Фихмана имеет большее значение, чем обычная монография: она является весомым вкладом в воссоздание отечественной папирологической школы.

Под папирологией И. Ф. Фихман понимает «специальную историко-филологическую научную дисциплину, занимающуюся дешифровкой («прочтением»), публикацией и исследованием текстов на папирусе. Папиролог должен обладать палеографической и филологической подготовкой, глубоким и всесторонним знанием эпохи со всеми присущими ей реалиями материальной, общественно-государственной и духовной жизни» (с. 16—17). Исходя из такого определения, И. Ф. Фихман пытается снабдить читателя как чисто техническими знаниями, необходимыми папирологу, так и пониманием исторической проблематики птолемеевского, римского и византийского Египта.

Прежде всего читатель найдет во Введении правила публикации и цитирования папирусов. Не владея этими правилами, практически невозможно работать с папирологическими трудами, изданиями папирусов. Будучи специальной научной дисциплиной, папирология сама пользуется услугами целого ряда вспомогательных наук: палеографии, хронологии, метрологии, нумизматики, ономастики, просонографии. В приложении к папирусам греко-римского Египта все они имеют определенную специфику. Специфичны также грамматика и лексикология греческих папирусных текстов. И. Ф. Фихман знакомит читателя с осно-

вами данных дисциплин. Целая глава посвящена папирусной «дипломатике». Здесь имеется подробная классификация документов, излагаются основы греко-римского делопроизводства. Эта глава особенно интересна для византилиста, поскольку византийская документация испытала огромное влияние как римской, так и эллинистической практик.

Очерк истории, географии, демографии и административно-правового устройства птолемеевского, римского и византийского периодов Египта содержит изложение новейших точек зрения, в том числе и взглядов самого автора, развитых в его статьях и монографиях. С основными направлениями папирологических исследований читатель может познакомиться также в кратком обзоре истории этой науки. Экскурсы в историю советской папирологии имеет самостоятельную ценность. Вопросы организации науки (конгрессы, ассоциации и т. п.) также изложены достаточно подробно.

Поистине уникальной является библиографическая часть, занимающая приблизительно половину книги. Уникальность эта определяется поразительным фактом: до сих пор не издана скольконибудь солидная ретроспективная библиография по папирологии. Текущая библиография, публикуемая рядом специальных журналов, не может заменить отсутствие библиографической ретроспективы. На XV Международном папирологическом конгрессе (Брюссель, 1977) были приняты решения, которые, возможно, приведут к публикации столь необходимого пособия. Но до тех пор ретроспективная библиография, составленная И. Ф. Фихманом, останется, вероятно, наиболее полной. Правда, издания расположены здесь в алфавитном, а не систематическом порядке. Однако сам текст книги служит ключом, позволяющим подобрать произведения печати по любой теме. Так, называя проблему грамотности в Египте, автор ссылается на соответствующие работы, приведенные в биб-

лнографии, и т. п. Отдельно приложен список русских переводов документальных папирусов, опубликованных в советских изданиях.

Говоря о ценности монографии И. Ф. Фихмана, нельзя в то же время не отметить ряд досадных лакун, которые не могут быть поставлены автору в вину. Во-первых, греческие термины даны в латинской транскрипции, что очень затрудняет работу над книгой начинающему папирологу. Во-вторых, отсутствует имеющаяся обычно в таких пособиях краткая хрестоматия с параллель-

ным греческим текстом и с факсимиле папирусов. Без такой хрестоматии эффективность обучения резко снижается. Нечего и говорить, что зарубежные хрестоматии студенту малодоступны. Надеемся, автор в дальнейшем сумеет заполнить этот пробел.

Безусловно, «Введение в документальную папирологию» должно стать необходимым пособием для многих антиковедов и византистов и расширить источниковедческую базу отечественной историографии.

А. Б. Ковельман

Winkelmann F., Gomolka-Fuchs G. Frühbyzantinische Kultur. Leipzig, 1987. 220 S. 166 Il. 4 Kart.

В новой работе известного немецкого византиста Ф. Винкельмана, написанной им в соавторстве с искусствоведом Г. Гомолкой-Фухс, ставится задача дать целостную картину культуры Византии IV—IX вв. В книге анализируется специфика византийской культуры этого времени, мировоззрение и образ жизни византийцев, их система ценностей, отраженная в различных дошедших до нас памятниках, в том числе в различных видах искусства. При этом авторы рассматривают культуру как изменяющийся процесс, в котором принимали участие не только верхи общества, но и все остальные его слои.

Работа состоит из введения, трех больших глав («Основы культуры», «Главные образы», «Точки кристаллизации»), эпилога и приложений, куда входят список основных источников и литературы, хронологические таблицы и указатели.

Концепция книги разработана Ф. Винкельманом, им же написан весь текст, касающийся историко-культурных особенностей Византии IV—IX вв.: разделы по искусству подготовлены Г. Гомолкой-Фухс.

Каждая глава книги состоит из нескольких разделов. Так, глава «Основы культуры» включает в себя разделы о географическом пространстве, исторических цезурах и отклонениях в историческом развитии, многообразии общества. Географические представления византийцев характеризуются на основании сочинений «*Expositio totius mundi*» и «Христианской топографии» Космы Индикоплова (с. 12—15). В ходе своего анализа Ф. Винкельман делает акцент на соответствии (или несоответствии) географических познаний византийцев (в частности, относительно отдаленных областей империи и других стран) реальной действительности, обращая при

этом внимание не только на общую специфику вышеназванных произведений, но и на некоторые примечательные детали их, например стремление автора «*Expositio totius mundi*» определить точное местонахождениерая.

На наш взгляд, картина географических представлений византийцев была бы значительно полнее, если бы использовались не только собственно географические сочинения, но и произведения иных жанров, в частности труды Прокопия Кесарийского, познания которого, в силу высокой образованности и любознательности, отличались широтой и достоверностью.

В той же главе характеризуется восприятие византийцами времени, в первую очередь времени исторического, в связи с чем отмечаются такие вехи в сознании византийцев, как эпоха Константина I, Феодосия I, Юстиниана I, Ираклия и т. д., а из исторических событий на первый план выдвигаются те, которые отображают взаимоотношения византийцев с различными варварскими народами, а также персами и арабами (с. 15—19).

Несколько спорным представляется высказанное в этом разделе утверждение Ф. Винкельмана относительно реакции господствующих кругов Восточной Римской империи на упадок Западной Римской империи в 476 г. (с. 15). Как показало исследование В. Э. Каги, упадок западной части империи прошел для византийцев практически незамеченным, что отражало формирование специфически византийского самосознания, достаточно замкнутого на себе и своей территории¹.

Кроме того, следовало бы, вероятно, отметить и тот факт, что для византийцев

¹ *Kaegi W. E. Byzantium and the Decline of Rome. Princeton, 1968.*